

ДЖАТАКА О ЦАРЕ НИМИ

«В те времена...» - это Учитель произнес по соседству с Митхилой, в манговой роще, названной в память о древнем царе рощей Макхадевы, когда стал объяснять, почему он улыбнулся. Случилось это так. Однажды под вечер Учитель в сопровождении многих монахов прогуливался по этой роще и, проходя мимо красивой купы деревьев, решил рассказать монахам о своих деяниях в прошлой жизни, а потому и улыбнулся. «Почему вы улыбнулись, почтенный? - спросил его тхера Ананда. - Ведь просто так, без причины и без повода, просветленные не улыбаются». - «Некогда, Ананда, еще во времена царя Макхадевы, я здесь играючи упражнялся в созерцании и правил этой страной», - ответил Учитель и рассказал о былом.

«Давным-давно в городе Митхиле, столице царства Видехи, жил царь по имени Макхадева. Восемьдесят четыре тысячи лет он был мальчиком и играл в детские игры, следующие восемьдесят четыре тысячи лет был молодым наследником престола, а потом восемьдесят четыре тысячи лет правил царством. Едва взойдя на царство, он наказывал своему цирюльнику: «Когда ты, любезный, увидишь у меня на голове седой волос, скажи мне об этом». Прошли века, и наступил тот день, когда у царя появился на голове первый седой волос. Цирюльник сказал об этом царю, а затем по его просьбе выдернул волос щипчиками и положил его царю на ладонь. А тот, увидевши седой волос, почувствовал, будто пришла к нему смерть и держит его за горло. И решил он, что настала пора отречься от царства и уйти в отшельники. Цирюльнику он подарил на прощание доходную деревню, а сам призвал к себе старшего сына и объявил ему: «Принимай правление, сынок, я уйду в отшельники». - «Отчего так, батюшка?» «Седеет голова моя, склоняется к концу мой век. Явились вестники богов, время уйти мне на покой» - с этими словами Макхадева помазал царевича на царство, наказал ему в будущем поступить так же, как он, и покинул город.

Приняв монашество, он восемьдесят четыре тысячи лет упражнялся в безмерных добродетелях - в дружелюбии, милосердии, радости чужой радостью и беспристрастии, обращенных на всех живых существ, - и после смерти сопричислился к обитателям небес Брахмы. Так же поступали, когда приходила тому пора, и сын его, и внук, и правнук... Все они принимали на склоне лет монашество, поселялись в манговой роще и упражнялись в безмерных добродетелях, а после кончины приобщались к числу богов сфер Брахмы.

Минуло без двух восемьдесят четыре тысячи поколений царей. Царь Макхадева, старейший из них, пребывал все эти годы на небесах Брахмы и следил, как живут его потомки на земле. Видя, что все они, подобно ему, принимают монашество, он исполнился радости и решил заглянуть в будущее: продлится ли этот родовой обычай впредь или нет? И открылось ему, что больше так быть не суждено. А посему решил он сам стать последним достойным отпрыском своего рода и, ниспав из божественных сфер, родился сыном главной супруги и митхильского царя. Наступил день наречения имени. Знатки телесных примет рассмотрели младенца и объявили: «Государь! Сын твой родился, чтобы достойно завершить родовой обычай. С ним этот обычай и кончится, и цари не станут больше принимать под старость монашество». «Раз сын мой родился, чтобы завершить наш обычай, - подумал царь, - он подобен ободу, который связует и завершает колесо». И царь нарек сына именем Ними, что значит «обод».

Уже с малых лет царевич отличался щедростью, добронравием, неуклонно соблюдал обряды упосатхи. А отец его, как и все предки, с первым седым волосом на голове подарил своему цирюльнику доходную деревню, сам же стал монахом в манговой роще и после смерти возродился на небесах Брахмы. Царь Ними, приняв правление, повелел установить навесы у четырех городских ворот и в середине города, близ своего дворца, и учредил в них раздачу даров нуждающимся. Добра расходилось под каждым навесом на сто тысяч каршапан ежедневно. Не отступал он и от пяти обетов добронравия, в дни полнолуния и новолуния непременно отмечал упосатху, да и всех подданных своих побуждал к щедрости и иным благим делам, рассказывал им, как заслужить посмертное рождение на небесах, как избежать адских мук и жить в согласии с

дхармой. Следуя его наставлениям, люди приносили дары, свершали благие деяния, а потому все после смерти рождались на небесах. И стал мир богов многонаселенным, ад же, напротив, почти обезлюдел.

Однажды боги обители Тридцати Трех собрались в своем божественном чертоге Судхарме и разговорились, восхваляя безграничные достоинства царя Ними: «Собратья! Мы должны помнить, что учитель наш - царь Ними. Только благодаря ему и его знаниям, что подобны всеведению Просветленного, мы наслаждаемся теперь благоденствием на небесах». А на земле добрая слава о царе растеклась и распространилась вширь, словно масло по воде.

В те времена, когда царь Ними правил -
Мудрец, радевший о всеобщем благе, -
О нем заговорили даже боги.
Глубокий ум его казался чудом.
Царь Ними, устрашитель вражьих ратей,
Одаривал всех жителей Видехи.
Однажды он задумался глубоко:
«Что в этом мире большой плод приносит:
Даров раздача иль духовный подвиг?»
А Матхаван, могучий небожитель,
Прознал тотчас, что царь в недоуменье.
Он принял свой тысячеокий облик,
К царю в опочивальню перенесся
И разогнал сияньем мрак полночный.
В великом трепете и изумленьи
К видению царь Ними обратился:
«Ответь, о гость: ты дух или гандхарва?
А может, ты сам Шакра, царь небесный?
Сияние подобное мне внове:
Мне и слышать о нем не доводилось».
Увидел бог, сколь изумлен Ведеха,
И отвечал царю людей правдиво:
«Я небожителей владыка, Шакра,
И на любой вопрос тебе отвечу».
Так, получив соизволение Шакры,
К нему с вопросом Ними обратился:
«Скажи мне, мощнорукий небожитель,
Что в этом мире большой плод приносит -
Даров раздача иль духовный подвиг?»
Ответил царь богов без промедленья:
«Есть три ступени подвига, властитель:
Начало, середина, завершенье.
Начало здесь - отказ от любострастья.
Им обретают царское рожденье.
Затем учиться надо созерцанью,
Оно ведет к рождению на небе.
А совершенство в йоге - завершенье.
Оно тебя поднимет в сферы Брахмы.
Лишь для подвижников они доступны,
А щедростью достичь их невозможно».

Итак, Шакра сразу объяснил царю, что большего плода следует ждать от духовного подвига, а затем привел царю примеры: «Государь! В древности было немало щедрых царей, приносивших обильные дары и свершавших великие жертвоприношения - Дудипа, Сагара, Села, Мучалинда,

Бхагираса, Ушинара, Атхтхака, Ассака и много других, но, однако, ни один из этих кшатриев не смог родиться после своей смерти выше небес мира желаний. Зато многие подвижники, ушедшие из мирской жизни, возвысились благодаря своему подвигу над миром желаний и попали в сферы Брахмы. Таковы семь провидцев: Ямахану, Сомаята, Маноджава, Самудда, Маогха, Бхарата, Каликаракхия; вспомни еще об Ангирасе, Кашьяпе, Кисавачхе, Аkitти! Правда, все это я говорю тебе с чужих слов, но могу рассказать и о том, что видел сам.

Послушай, государь! Некогда в Гималаях протекала между двух золотых гор глубокая и непреодолимая даже для лодок река Сила. Вода в ней была до того невесомой, что и павлинье перо не могло бы удержаться на ее поверхности и тотчас бы утонуло. Потому ту реку и называли Сила, что значит «река, где тонут». Золотые горы, высившиеся по ее берегам, сияли, словно костры из тростниковой соломы. Речные заводи там заросли благовонной гагарой, а горы были покрыты густым лесом, где изобильно росли цветы и плоды. И жило в том чарующем краю десять тысяч провидцев. Все они были мастерами созерцания и обладали пятью сверхзнаниями. Когда им нужно бывало добыть себе пропитание, одни из них отправлялись на материк Северных Куру, другие собирали крупные ягоды гвоздичного дерева, третьи шли в горы на поиски всяких плодов и ягод, а некоторые улетали за подаванием в города Джамбудвипы. Чревоугодие было им чуждо, и все они безмятежно предавались созерцанию. Как-то раз один из этих подвижников прилетел за подаванием в Варанаси. Когда он, опрятно одетый, проходил по улице мимо дома придворного жреца, хозяин заметил его и пригласил войти. Смирение подвижника полюбили жрецу. Несколько дней подвижник прожил у него дома, и вот, когда они немного узнали друг друга, жрец спросил: «Где ты живешь, почтенный?» - «В Северных Гималаях, любезный». - «Неужели ты живешь там совсем один?» - «Какое один! Там живут круглым счетом десять тысяч подвижников, и каждый из них умеет созерцать и обладает всеми сверхзнаниями». Послушал жрец рассказы о достоинствах подвижников, и ему самому захотелось принять монашество. «Почтенный, отнесите меня туда, я тоже хотел бы стать подвижником!» - попросил он. «Нет, любезный, - отвечал подвижник. - Ты ведь на царской службе, тебя нельзя обращать в монахи без согласия царя». - «Хорошо, почтенный. Сегодня же я отпрошусь у царя. А ты прилетай сюда завтра опять». Тот пообещал.

Жрец после утренней трапезы пришел к царю и сказал: «Государь, отпусти меня подвизаться в Гималаи». - «Зачем тебе это понадобилось, учитель?» - «Стал я теперь понимать, что в наслаждениях проку мало и лучше бы от них отказаться». - «Хорошо, я тебя отпускаю. Навести только меня, когда станешь подвижником». - «Так и быть», - согласился жрец. Он вернулся домой, дал прощальные наставления жене и домочадцам, отписал им свое богатство и препоручил веденье хозяйством, а себе взял лишь то небольшое, что необходимо для отшельнической жизни, и сел дожидаться провидца. Наконец тот прилетел в город и вошел в дом жреца. Жрец угостил его с подобающими почестями и спросил: «Что же мне теперь нужно делать, почтенный?» Провидец вышел с ним за городские стены, схватил жреца за руки и своей волшебной силой перенесся с ним к реке Силе. Там он обратил жреца в монашество. На следующий день провидец опять слетал за подаванием и принес жрецу поесть, а затем преподавал ему урок созерцания.

Через несколько дней жрец развил в себе сверхобычные способности, овладел созерцанием и смог сам уже летать за милостыней. Спустя какое-то время он подумал: «Царь взял с меня обещание навестить его. Пора бы обещание исполнить». Он отпросился у подвижника и улетел в Варанаси; обходя город и собирая милостыню, он подошел к царскому дворцу. Царь узнал его, пригласил во дворец, с почетом угостил и спросил: «Где ты теперь живешь, почтенный?» - «В Северных Гималаях, государь, на берегу реки Силы, что течет меж двух золотых гор». - «Ты один там или с кем-нибудь вместе?» - «Совсем не один, государь! Там живут десять тысяч провидцев; все они - мастера созерцания, все обладают сверхзнаниями». Слыша такие похвалы провидцам, царь захотел всех их щедро угостить и сказал: «Почтенный! Мне бы хотелось устроить для этих подвижников званый пир. Право, они того заслужили. Как бы это сделать?» - «Государь, сюда ты этих подвижников никакими яствами не заманишь - не польстятся они ни на какую еду». - «Помоги мне, почтенный! Я непременно хочу устроить для них угощение». - «Хорошо, государь.

Если ты хочешь угостить их, перенесись отсюда на время к берегам реки Силы. Там ты сможешь это сделать». - «Спасибо за совет», - поблагодарил царь. Он велел взять все необходимое, выступил с войском из столицы и добрался до пределов своего царства. Оттуда отшельник своей волшебной силой перенес царя вместе с войском прямо к берегам реки Силы. Там он и оставил его располагаться лагерем, а сам улетел дальше, к остальным провидцам на ночлег. Наутро он воротился. Царь предложил ему богатое угощение и, когда подвижник окончил трапезу, попросил: «Завтра, почтенный, приводите сюда все десять тысяч провидцев». - «Хорошо», - согласился тот, и на следующий день, когда настало время идти за подаванием или отправляться на сбор плодов, он объявил подвижникам: «Собратья! На берега реки Силы явился царь Варанаси. Он намерен всех нас угостить и приглашает к себе. Прошу вас, ради его блага пожалуйста к нему в гости». Провидцы приняли приглашение, все вместе прилетели к царю и опустились на землю недалеко от его лагеря. Царь вышел им на встречу, пригласил в лагерь, рассадил всех и вдосталь накормил изысканной едой. Провидцы так полюбились ему, что он тут же пригласил их прилететь и завтра, а там - послезавтра, и на следующий день... Десять тысяч лет прожил там царь, и каждый день угощал он все десять тысяч провидцев. Пришлось ему основать там город, поселить земледельцев. Узнай, государь, что этот царь - не кто иной, как я сам в одной из прошлых моих жизней! И все же, хоть я всех на свете затмил своей щедростью, я не смог подняться выше небес мира желаний и не попал в сферы Брахмы. Зато все те подвижники, что вкушали мои дары, вышли за пределы мира желаний и сопричислились к сонмам Брахм. Как видишь, государь, духовный подвиг сулит много больше, чем щедрость, какую бы она ни была. Но все же, государь, ты должен считать и щедрость, и духовный подвиг деяниями, достойными великих людей, а потому будь усерден и в том, и в другом: приноси дары и блюди обеты».

Такое наставление дал Магхаван царю Видехи и отправился к себе на небеса. «Где ты пропадал, государь? Мы не видели тебя», - спросили Шакру небожители, когда он вернулся в обитель Тридцати Трех. «Царь Ними в Митхиле никак не мог разрешить своего сомнения, собратья, - ответил Шакра - Я побывал у него и ответил на его вопрос». И он подробно рассказал богам, о чем размышлял царь Ними и как он сам своим рассказом рассеял сомнения царя, а затем небесный владыка воздал Ними достойную хвалу. Внимая этой хвале, небожители захотели сами повидать царя Ними. «Государь! - обратились они к Шакре - Царь Ними - наш общий учитель. Все мы очутились здесь и наслаждаемся божественными уладами лишь потому, что последовали его наставлениям. Своим благоденствием мы обязаны ему. Мы хотим повидать его. Пригласи его к нам, государь, и познакомь нас с ним». - «Хорошо», - пообещал Шакра. Призвав к себе колесничего Матали, он сказал: «Любезный Матали! Поезжай в Митхилу на божественной колеснице Вайджаянте и привези к нам царя Ними». - «Будет исполнено», - и Матали на колеснице отправился в путь. Пока Шакра беседовал с небожителями, пока отдавал приказ Матали, пока тот готовил колесницу в дорогу, прошло по человеческому счету времени около месяца.

Наступило полнолуние. Царь Ними отмечал упосатху. Открыв восточное окно, он сидел на верхнем ярусе своего дворца в окружении сонма советников и размышлял о добродетели. Взошла луна, и одновременно с нею показалась на небе колесница Матали. Люди после ужина сидели у дверей домов за приятной беседой: глядя вверх, они говорили: «Ого! Сегодня на небе целых две луны!» Но колесница быстро приближалась, и скоро стало видно, что это - не луна. Вот уже можно было различить ее саму, возничего Матали и тысячу запряженных рысаков. «Любопытно, к кому же это приехала колесница богов? - спросили себя люди. - Да к кому же, как не к нашему праведному царю! Конечно, это колесница Вайджаянта. Шакра прислал ее за государем Митхилы - ведь только он один достоин такой чести!» И они воскликнули:

«Диво дивное случилось,
Мы трепещем от восторга!
К славному царю Видехи
Боги вестника прислали!»

Тем часом Матали вихрем примчался к дворцу, развернул колесницу и остановил ее так, что задок оказался как раз напротив восточного окна дворца. Затем он спустил подножку и пригласил царя Ними взойти: «О лучший из царей, страны опора! Тридцать Три бога на вершине Меру и Шакра, их великий предводитель, с тобой желают повидаться. В божественном чертоге ждут тебя. Взойди на колесницу и поедем». «Ну что же, - подумал царь. - Посмотрю на мир богов - ведь я его никогда не видел. К тому же, Матали мне дорогой все объяснит. Пожалуй, поеду!» И он обратился к своим слугам и горожанам: «Я уезжаю ненадолго, а вы без меня не забывайте приносить дары и свершать иные благие дела». С этими словами царь взошел на колесницу. «Какой дорогой везти тебя, царь? - спросил его Матали. - Ехать ли мне мимо праведников или мимо грешников?» - «Я никогда не видел ни адов, ни небесных обителей, а посмотреть стоит на все», - решил царь и ответил: «Провези меня обоими путями». - «Но каким из них ехать мне сначала? Я же не могу поехать сразу по двум дорогам!» - «Сначала, Матали, я хочу посмотреть, как казнятся грешники, посетить их скорбную юдоль, ибо в мир богов ты все равно привезешь меня в конце пути», - ответил Ними. И Матали направил колесницу к реке Вайтарани.

Узрел царь Ними адскую реку Вайтарани,
Откуда нет спасенья,
Что щелочи полна, кипит, дымится
И извергает гибельное пламя.
Никто ее не создавал -
Она порождена была самым злодейством.
Там с палицами, копьями, мечами
Кромешники по берегам стояли.
Кололи, резали, секли, рубили
Они попавших в адские пределы.
А грешники от муки нестерпимой
В Вайтарани искали облегченья,
Бросались вниз, в колючую осоку
С торчащими кинжалами-шипами,
И, напорвшись на шипы,
Висели тысячелетия.
Потом срывались ниже
И падали, не в силах удержаться,
На лес железных кольев раскаленных.
Века они пеклись на этих кольях,
Насаженные, словно дичь на вертел.
Дымились колья, и тела дымились.
А ниже - новая и горше мука:
Растут там листья лотосов железных;
Края у них отточены, как бритвы.
На них сползали мученики с кольев,
Им острые края кромсали тело.
Когда же в щелочь грешники ныряли,
То дым валил от изъязвленной плоти.
Внизу река утыкана мечами.
«Быть может, под водой немного легче?»
Так думали они и вглубь ныряли,
Но там мечи им рассекали члены.
Не в силах грешники терпеть такие муки,
И стон в аду не умолкает.
То вниз несет Вайтарани их по теченью,
А то обратно возвращает.
По берегам их бесы караулят,
Остроги мечут, колют, словно рыбу,

Вытаскивают из реки баграми,
Распяливают на железных досках
И в глотки тычут булавой железной.
И снова слышен стон, рожденный болью.

Царь Ними в потрясении великом спросил:
«Возничий, что они свершили?
Поистине ужасны эти муки!»
И небожитель Матали ответил
(Ему дела всех грешников известны,
Царю сказал он истинную правду):
«Кто силой злоупотреблял при жизни,
Кто оскорблял и мучил беззащитных,
Теперь казнятся за свои злодеяния В Вайтарани, откуда нет спасенья».

Сказав так, дальше Матали поехал.
А там, где он остановился снова,
От псов спасались великаны бегством.
Им раскаленная земля сжигала ноги,
А псы их нагоняли в лютой злобе
(они слонам не уступали ростом),
Вгрызались на бегу в живое тело
И великанов на землю валили.
Кричали великаны страшным криком,
Но звери беспощадно их терзали
И до костей обглаживали мясо.
Затем слетались коршуны к останкам Железноклювые, с телегу ростом,
Дрались над великанскими костями,
Их долотами-клювами долбили
И костный мозг высасывали жадно.
Там тучи воронья кругом клубились,
Что страшны видом,
Беспощадны нравом, -
На всех бросаются, кого заметят.

Царь ужаснулся и спросил возницу:
«Мне страшно видеть это, колесничий.
За что им суждены такие муки?»
«Они сквалыгами при жизни были,
Отказывались помогать монахам».

«А эти кто? Тела огнем объаты,
Бегут - а бесы поспешают следом,
Держа в руках железные дубины,
И лупят их дубинами по бедрам,
Сбивают с ног, мочалют спины, руки
И превращают их в мешок с костями?»
«Злодеями они при жизни были,
Мужчин и женщин мучили безвинных».

«Скажи мне, Матали, кто эти люди?
Их бесы обступили полукругом
Пихая накаленными баграми
На кучу углей белого коленья.

Они проваливаются по пояс
А бесы углей сверху подсыпают.
Огнем горят несчастные, рыдают.
За что им эти лютые мученья?»
«Они растратили казну общины,
Чужие деньги нагло прокутили,
А чтоб сокрыть, старейшин подкупили
И лжесвидетельством избегли кары».

«Что за котел огромный, раскаленный?
Кого в него швыряют вверх ногами?»
«Тех негодяев, что при этой жизни
Благим подвижникам немало докучали».
«А эти мученики что свершили?
За что им кожу с головы снимают
И рану поливают кипятком?» -
«Ты видишь пред собою птицеловов.
Они ловили птиц, их умерщвляли
И на базаре торговали мясом.

«Вон многоводная река струится.
Здесь спуск удобен, берега пологи.
Спешат напиться мучимые жаждой,
Спускаются к реке по медным скалам,
Но стоит им припасть к воде губами -
И берега охвачены пожаром,
Вокруг горит мякина и солома,
И жжет нутро огонь немилосердно.
А люди, с жаждой совладать не в силах,
Его глотают, думая напиться.
Огонь насквозь тела их прожигает.
За что им, Матали, такая мука?»
«Они зерном нечестно торговали,
Мешали хлеб с соломой и мякиной».

«Что эти люди так вопят истошно?
В них бесы стрелы, пики, копья тычут
Со всех сторон, не зная передышки.
Скажи, чем эти люди провинились?»
«Перед тобой грабители и воры,
Что ремеслом избрали похищенье
Зерна, овец, коров, баранов, денег,
А равно драгоценных украшений».

«А этих грешников за что живьем свежуют,
Разделявают, будто скот на рынке?»
«То мясники и рыбники былые.
Они безвинных тварей убивали
И мясо выставляли на продажу,
А ныне сделались поживой бесов».

«Теперь я вижу мерзкий пруд зловонный.
Дерьмом с мочой он до краев наполнен,
И от него смердит невыносимо.

Вокруг него сидит народ голодный,
Хлебая жадно мерзостную жижу.
Кем были прежде эти дерьмоеды?»
«Они при жизни нравом были вздорны
И непрестанно козням предавались,
Друзьям вредили, полные коварства, -
А ныне поглощают нечистоты».

«А это что за мерзкий пруд вонючий?
Он до краев наполнен кровью с гноем,
И от него смердит невыносимо.
Но грешники его кругом обсели,
Лакая ненасытно гной кровавый.
Что совершили эти гноепивцы?»
«Здесь те, кто на святого поднял руку,
Отцеубийцы, матерееубийцы.
Они из общества себя исторгли
И опиваются кровавым гноем».

«И эту пытку объясни, возничий!
Огромными калеными крюками
Кромешники людей за губы тянут,
Распластывают их, как бычьи шкуры,
На кольшках растягивают тело.
Слюною и слезами истекают
Их жертвы, извиваются, трепещут,
Подобно рыбам, брошенным на сушу.
«Кто эти люди, что крючки сглотнули?
За что они распялены на кольях?»
«Они чиновниками в жизни были,
За ценами следили на базаре.
Им взятки покупатели давали,
Чтоб они цены приказали сбавить.
А рядом с ними - жулики-торговцы,
Людей обвешивавшие на рынках.
Но нет мошенникам от мук спасенья.
Лежат теперь, растянуты на кольях».

«Откуда эти жалкие старухи?
Они вопят, заламывая руки.
Их плоть уродлива и безобразна,
Сочится сукровицею и гноем.
Они закопаны по пояс в землю,
А сверху их тела напоминают
Говяжьих освежеванные туши.
Горящие железные утесы
На них обрушиваются внезапно,
Размалывая мученицам кости.
Но вот откатится скала - и снова
Стоят они, ничуть не изменились!
Опять идет гора горе навстречу,
А меж горами мученицы стонут.
Они попали в адскую давилню,
Им кровь теперь из тела выжимают.

Ответь, возникший, в чем их преступление?
За что им суждена такая пытка?»
«Они распутству прежде предавались,
В утехах плотских были ненасытны,
Своим мужьям коварно изменяли,
Вот и попали в адскую давящую».

«Вон за ноги кромешники хватают
Людей. И сбрасывают их в ущелье.
А там на дне - пылающие угли.
Что эти люди на земле свершили?»
«То соблазнитель, прелюбодеи.
Они, как говорят, воров страшнее.
За грех их суждено им низвергаться
В ущелье, полное горящих углей.
Теперь вокруг ты можешь оглядеться,
И сразу множество адов увидишь.
А муки в них - безмерны, люты, жутки,
Страшны, жестоки, непереносимы.
Казнятся здесь те люди, что при жизни
Поверили губительным воззреньям
И причиняли зло по убеждению,
Других людей к тому же подстрекая».

Небожители тем временем по-прежнему сидели в своем божественном чертоге Судхарме и ожидали приезда царя. «Что-то Матали долго не возвращается, - подумал Шакра - В чем же дело? Ах, вот оно что! Матали, конечно, решил сделать лучшее, на что способен, и стал показывать царю ады и объяснять, какие грешники в каком аду находятся. Да только царь Ними успеет состариться и умереть, а адам так и не будет конца». И он послал к Матали проворного гонца с наказом: «Скорее вези царя сюда». Гонец мигом нашел Матали и передал послание. «Надо поторапливаться», - понял Матали и издалека показал царю все оставшиеся ады. «Посмотри, государь! Кругом много и других адов, но теперь нам пора ехать к царю небожителей. Поспешим же, о царственный мудрец!» С этими словами Матали развернул колесницу и направил ее к горным мирам.

Вскоре царь увидел паривший в пространстве дворец небожительницы Бирани - построенный из драгоценных камней, увенчанный золотыми куполами, украшенный множеством драгоценностей, он простирался на двенадцать йоджан. Был там и пруд, а рядом с ним - парк, где росли деревья, что исполняют желания. Увидел царь и самое небожительницу - она восседала на ложе в покоях одной из башен своего дворца в окружении тысяч небесных танцовщиц, а когда колесница проезжала мимо, отворила украшенное цветными драгоценными камнями окно и выглянула наружу. Тогда царь спросил возникшего: «Кто эта прекрасная богиня, нарядно одетая, в уборе из пестрых цветочных гирлянд; как видно, она наслаждается могуществом и великолепием. Какое благое деяние свершила она при жизни?» - «На земле она была некогда рабыней и звали ее Бирани. Ты, быть может, знаешь это имя, - ответил Матали. - Жила она в доме некоего брахмана во времена десятикелья Кашьяпы. Однажды ее хозяин, будучи в монастыре, пригласил монахов целую неделю вкушать трапезу у себя дома, но домочадцы отказались помогать ему и не захотели принимать монахов: мошенники они, мол, не уследишь за ними. И лишь Бирани вызвалась помочь. Всю неделю она радушно принимала приглашенных, как мать детей, что вернулись после долгой отлучки домой. Вот это доброе дело и вознесло ее после смерти на небеса».

Колесница покатила дальше; показались семь золотых дворцов небожителя Сонадинны. Они сверкали, словно восходящее солнце, а сам Сонадинна в великолепном драгоценном уборе

прогуливался по ним в окружении сонма небесных дев. «Что благого свершил при жизни сей небожитель? - спросил Ними. - Вид его приводит меня в восторг». - «Когда-то он был на земле богатым и щедрым домохозяином, и звали его Сонадинна, - ответил Матали. - Он построил для подвижников семь монастырей и неизменно снабжал монахов, что там поселились, всем необходимым для подвижнической жизни - одеждою и пищею, светильниками и лампадным маслом. Дни полнолуния и новолуния, восьмые дни молодой и старой луны он неизменно отмечал обрядами упосатхи, всю жизнь был самообуздан, следовал обетам добронравия - и вот плоды сей добродетельной жизни».

Дальше царь узрел хрустальный дворец, возвышавшийся вверх на двадцать пять йоджан, с многими сотнями колонн, инкрустированных драгоценными камнями, с многими сотнями башенок, поверх которых была наброшена сеть колокольцев; над дворцом развевалось знамя, вышитое золотом и серебром, а окружен он был чарующими взор парками, рощами и прудами, где в изобилии росли цветы. Толпы апсар, несравненных в пении, танцах и иных искусствах, населяли этот дворец. «Кем были прежде эти апсары?» - спросил Ними колесничего. «Во времена Блаженного Кашьяпы все они вели праведную, добродетельную жизнь и сообщая приносили дары нуждающимся и общине монахов», - ответил Матали.

Следующим показался высокий дворец из чистого яхонта. Он был прекрасен и соразмерен, ярко сиял, и доносились из него божественные звуки пения и музыки; слышались барабаны, тамбурины, игра на вине и распевание стихов. Населяло этот дворец множество небожителей. «Что доброго свершили эти люди на земле? - спросил Ними. - Признаюсь, я никогда не слышал столь сладостной и упоительной музыки. За что подобная награда?» - «Здесь те, кто в мире живых были добронравными последователями дхармы. Везде - у колодцев, в арках, у спусков к воде - они с радостью подавали милостыню святым людям и снабжали их всем необходимым, были праведны, блюли упосатху» - сказал Матали.

Дальше они миновали еще три несравненных, великолепных небесных дворца. Все эти дворцы увенчаны были многими хрустальными башенками, увиты цветами, обсажены прекраснейшими деревьями - капитхой, манго, салом, гвоздичным деревом, тиндукой и иными. Невдалеке протекала речка с прозрачной водой, а в воздухе разносился благозвучный щебет птичьих стай. В этих чертогах наслаждались божественным великолепием те, кто были на земле благонравными и щедрыми подателями благ нуждающимся.

Наконец колесница поравнялась с золотым дворцом, и в нем тоже жил праведник, бывший в земной жизни родом из Шравасти. Но Шакра, глава богов, в тот миг опять подумал: «Матали снова медлит!» - и послал ему навстречу еще одного проворного небожителя. «Больше медлить нельзя», - понял Матали. Он проехал вперед и издалека показал царю множество оставшихся в стороне божественных обителей: «Посмотри, государь, на все эти золотые дворцы! Они блещут, подобно молниям, пронзающим тучи. Здесь живут те, что были на земле тверды в Учении, прилежно следовали преподанной им дхарме и восприняли проповедь Истинновсепросветленного. Теперь эти люди благоденствуют в небесных чертогах. Ты видел, государь, какова участь грешников и что ожидает праведников. Поспешим же, о царственный мудрец! Нам пора к царю богов». Матали отпустил поводья, и тысяча божественных рысаков помчали колесницу вперед.

Вот она приблизилась к семи горным поясам, что окружают вселенскую вершину Сумеру. Царь Ними увидел горы, разглядел моря, разделявшие горные хребты, и спросил колесничего: «Как называются эти горы, Матали?» - «Следи, государь. Первым идет хребет Судассана, Благой Видом; за ним, отделенный от него океаном, - Каравика, Кукушкин; за ним - Исадхара, Держатель Дышла; за ним - Югандхара, Держатель Ярма; за ним - Немидхара, Держатель Обода; за ним - Винатака, Крутой; последним же - Ассаканна, Конское Ухо. Все они разделены между собою морями. Ниже всех - первый хребет, Судассана, а самый высокий - Ассаканна; это тот, что ближе всех к Сумеру. Здесь, государь, живут боги-властители сторон света». Колесница летела дальше. Впереди уже

виднелась надвратная башня Пестроглавая; через нее шел путь в обитель Тридцати Трех богов. Кругом стояли изваяния Индры. «Что это? - спросил царь Ними. - Я вижу множество изваяний Индры; они украшены драгоценными камнями, а стерегут их тигры. Это зрелище наполняет меня восторгом. Как называются эти врата, колесничий?» - «Это виднеется Пестроглавая башня, здесь врата, что ведут к вершине Сумеру, государь, - ответил Матали. - Въедем же, государь, в эти врата. Пыль никогда не загрязняла здешних дорог, вымощенных золотом и серебром и усыпанных лепестками цветов». И Матали с царем въехал в божественный град. Царь Ними увидел небесный чертог Судхарму и спросил: «Что это, возникший? Какой прекрасный дворец, построенный из самоцветов! Он ярко-синий, как осеннее небо. Где мы?» - «Это показался небесный чертог Судхарма. Посмотри на восьмигранные отшлифованные колонны из чистого яхонта, на которых он стоит. Здесь собираются боги обители Тридцати Трех во главе с Шакрой, их предводителем. Входи же, мудрый провидец, и порадууй их своим приходом.

Небожители сидели и ожидали царя Ними. Но вот они услышали, что он уж близко, и с гирляндами небесных цветов, притираниями и благовониями в руках вышли встречать его к Пестроглавой надвратной башне. Одарив гостя цветами и благовонными мазями, боги пригласили царя в свой чертог. И царь, сойдя с колесницы, взошел во дворец. «Добро пожаловать, государь. Не слишком ли ты устал с дороги? Мы просим тебя сесть подле нашего царя», - приветливо сказали небожители. А Шакра, их предводитель, учтиво обратился к гостю: «Я рад, о царь, почитаемый всеми жителями Митхилы, что ты посетил нас всей благословенной обители. Оставайся, государь, среди нас, и наслаждайся всеми благами небесной жизни!» Однако царь отказался: «Нет, владыка. Если благоденствие обретается чьими-то дарами, оно подобно выпрошенному добру. Мне не нужны такие дары. Много важнее свои добрые дела - ведь это то богатство, которым ни с кем не поделишься! Когда я вернусь в мир людей, я буду творить добро. Если человек щедр, ровен в обращении, самообуздан, кроток, то дела его приносят счастье и ему ни в чем не придется каяться». И Великий своим благозвучным голосом преподавал небожителям дхарму. Пока он и боги сидели за беседой, по земному счету времени минуло семь лет. Порадовав и восхитив богов изложением дхармы, царь Ними благодарно сказал колесничему Матали: «Я очень многим обязан тебе, о небесный возникший. Ведь ты показал мне обители праведников и скорбную юдоль грешников». А затем он обратился к Шакре: «Государь, теперь я хочу вернуться в земной мир». - «Раз так, доставь, любезный Матали, царя Ними обратно в Митхилу», - молвил Шакра. «Будет исполнено», - отвечал Матали. Он подогнал колесницу ко дворцу; царь попрощался с небожителями. Они повернули обратно во дворец, а Ними взошел на колесницу и уехал.

В скором времени небесная колесница приблизилась к Митхиле с восточной стороны горизонта. Народ посмотрел вверх и обрадовался: «Вот и царь наш вернулся!» Матали сделал круг над городом, опустил и высадил царя у того самого окна, откуда тот начал путешествие, сам сказал: «Прощай, государь, я уезжаю» - и отправился назад. «Расскажи, царь, как там живут, в мире богов», - попросили подданные. Царь описал им все великолепие небожителей и самого Шакры, а заключил рассказ наставлением в дхарме: «Будьте же усердны в благих делах! Тогда и вы со временем тоже попадете в небесную обитель».

Прошло время. Однажды на голове царя Ними появился первый седой волос. Цирюльник выдернул его и положил царю на ладонь, и тот понял, что настала пора отречься от мирской жизни. Цирюльнику он пожаловал доходную деревню, а сам призвал к себе наследника и объявил, что решил уйти в отшельники. «Отчего так, батюшка?» - спросил сын. «Седает голова моя...» - отвечал словами предков царь Ними. Он принял монашество, поселился в манговой роще и предался духовным упражнениям. После своей кончины он сопричислился к обитателям миров Брахмы. Но сын его, царь Калараджанака, нарушил обычай и под старость в отшельники не ушел».

Закончив это наставление в дхарме, Учитель произнес: «Как видите, монахи, не только ныне свершил Татхагата исход из мира - он совершал его и прежде». И он отождествил перерождения:

«Шакрой был тогда Анируддха, Матали стал теперь Анандой, восемьдесят четыре тысячи царей - нынешние мои последователи, я же был тогда царем Ними».